

Смысл не в том, чтобы создать вторую Землю. Не Аляску, не Тибет, не Вермонт с Венецией и даже не Антарктику. Смысл в том, чтобы сделать нечто новое и чужое, нечто марсианское.

В некотором смысле, наши намерения не важны. Даже если мы попробуем создать вторую Сибирь или Сахару, у нас ничего не получится. Эволюция ничего такого наверняка не допустит: ведь, по сути, данный процесс — это стремление, лежащее за гранью осознанного, подобное тому, кое чудесным образом породило жизнь из неживой материи или заставило первых своих детей выбраться из океана на сушу.

Мы снова бьемся в границах неведомого мира, на сей раз настоящему чуждого нам. Несмотря на гигантские ледники, оставленные великим наводнением 2061 года, это весьма засушливый мир. И хотя атмосфера уже формируется, воздух до сих пор очень разрежен. Вопреки всем обогревающим установкам средняя температура по-прежнему значительно ниже нуля. Данные условия чрезвычайно затрудняют выживание людей на Марсе. Но жизнь вынослива и легко приспосабливается, она пробивается во Вселенной с силой зеленых ростков. В десятилетие после 2061 года люди боролись за выживание под треснувшими куполами и разорванными тентами. Они постепенно налаживали быт и преодолевали трудности, а в их скрытых убежищах продолжалась работа над созданием нового общества. И наверху, на холодной поверхности планеты, растения уже пускали свои побеги и тянулись к солнцу. Они цеплялись корнями за склоны ледников и насыщались водой из глубоких теплых бассейнов, уровень которых медленно и неотвратно поднимался все выше.

Разумеется, генетические образцы нашей флоры и фауны — земного происхождения, и работают с ними земляне, однако почва здесь марсианская. Сама же почва является своего рода мощным генным инженером, поскольку именно земля,

в конечном итоге, и определяет, чему цвести, а чему — увядать. Можно сказать, что с помощью почвы определяется путь прогрессивной дифференциации, отвечающий за разнообразие видов. И по мере того, как сменяются поколения, все обитатели биосферы развиваются вместе, адаптируясь в сложной коллективной реакции — творческой способности к самопроектированию. Этот процесс, вне зависимости от того, насколько мы в него вмешиваемся, в принципе, нам не подвластен. Гены мутируют, организмы эволюционируют, возникает уникальная биосфера, и, конечно же, ноосфера. Одновременно с этим, как и все остальное, меняется навсегда и разум творцов.

Таков процесс ареоформирования.

Однажды небо рухнуло на землю. Плиты льда врезались в озеро и начали наползать на берег. Дети разбежались, как стая испуганных куликов. Ниргал кинулся через дюны к деревне и ворвался в теплицу, крича: «Небо падает, небо падает!» Питер пулей выскочил за дверь и помчался по песку так быстро, что Ниргал едва поспевал за ним.

А на берегу огромные ледяные прямоугольники уже наезжали на песок, и редкие осколки сухого льда шипели, растворяясь в озере. Когда дети столпились на берегу, Питер прищурился, уставившись на купол, который возвышался над их головами.

— Назад в деревню! — велел он непререкаемым тоном.

На обратном пути он смеялся.

— Небо падает! — дразнил он, ероша волосы Ниргала.

Ниргал краснел, а Дао и Джеки хохотали. Их дыхание вырывалось изо ртов легкими белыми облачками пара.

Однако Питер принимал активное участие в починке купола. Они вместе с Касэем и Мишелем как пауки ползали над деревней у всех на виду. Сперва они зависли над пляжем, а потом перебрались и к участку над озером. Наконец, они замерли в своих веревочных петлях, закрепленных на ледобурах, и стали о чем-то переговариваться между собой. Все трое показались Ниргалу совсем крошечными. А они начали работать, распыляя воду по краям прорехи, и спустя некоторое время та замерзла, сформировав прозрачный слой, который покрылся сухой коркой белого льда.

Спускаясь, они обсуждали нагревающийся мир снаружи. Хироко вышла из своей бамбуковой хижины у озера и задумчиво посмотрела на Ниргала.

— Нам придется отсюда уйти? — спросил Ниргал.

— Нам всегда придется уходить, — ответила Хироко. — На Марсе ничто не длится вечно.

Но Ниргалу нравилось жить под куполом. По утрам он просыпался в круглой бамбуковой комнатке высоко в Доме ребенка¹ и бежал вниз по ледяным дюнам вместе с Джеки, Рейчел, Францем и другими жаворонками. Он видел Хироко на дальнем берегу. Она шла по пляжу, словно танцовщица, и казалась ему призрачным видением, плывущим над водой. Ему хотелось подойти к ней, но пора было отправляться в школу.

Они возвращались в деревню и набивались в раздевалку, вешали пуховики и ждали учителя, протянув посиневшие руки к решетке радиатора. Это мог быть Доктор Робот, и тогда они умирали со скуки, глядя, как он моргает, будто отсчитывая бесконечные секунды. Но в класс могла ворваться и Добрая Колдунья, старая и уродливая — и тогда дети выскакивали на улицу, чтобы строить весь день напролет, радостно осваивая инструменты. Но иногда Доктора Робота и Добрую Колдунью сменяла Злая Ведьма. Она тоже была старая, но красивая, и в такие часы они застревали за своими пюпитрами и пытались разговаривать и даже думать на русском. Во время уроков Злой Ведьмы они часто рисковали получить удар по рукам, если хихикали или ненароком засыпали. У Злой Ведьмы были серебристые волосы, свирепый взгляд и крючковатый нос, как у тех ястребов, которые жили в соснах у озера. Ниргал боялся ее. Но когда дверь открывалась и порог класса переступала Злая Ведьма, Ниргал скрывал свой страх. Впрочем, так вели себя и остальные дети.

Однажды она выглядела особенно уставшей и быстро отпустила их, хотя их успехи в арифметике были весьма плачевны. Ниргал пошел за Джеки и Дао наружу, завернул за угол, в переулок между Домом ребенка и задней стеной кухни. Дао помочился на стену, Джеки спустила штаны, чтоб показать, что она тоже может так, и тут прямо из-за угла на них налетела Злая Ведьма. Она вытянула из переулка Ниргала и Джеки, схватив их за шивороты своими цепкими пальцами, и тотчас отшлепала Джеки.

— Вы двое, держитесь от нее подальше! Она — ваша сестра! — кричала она на Ниргала и Дао.

Ниргал таращился на Джеки, а та плакала и извивалась, пытаясь натянуть штаны. Яростно извернувшись, попробовала ударить его и Майю и упала, голозадая и зареванная.

---

¹ Учебное заведение для детей младшего возраста в системе обучения Монтессори. — *Здесь и далее прим. пер.*

Но Джеки не была их сестрой. В Зиготе родилось двенадцать сансеев, или детей третьего поколения. Они относились друг к другу как братья и сестры, и многие действительно являлись ими... но далеко не все. Это порой вносило путаницу, но почти никогда не обсуждалось. Сначала на свет появились Джеки и Дао, спустя один марсианский сезон — Ниргал, а остальные родились еще сезоном позже: Рейчел, Эмили, Рул, Стив, Симад, Нанеди, Тиу, Франц и Хо Син. Хироко считалась общей матерью всех детей Зиготы, хотя приходилась матерью лишь Ниргалу, Дао и еще шестерым сансеям, а также нескольким взрослым нисеям.¹ Детям матери-богини.

А Джеки была дочерью Эстер, которая уехала после потасовки с Касэем, отцом Джеки. Немногие из них знали своих отцов. Однажды Ниргал полз по дюнам за крабом, когда над головой вдруг возникли Эстер и Касэй. Эстер плакала, Касэй кричал.

— Если собираешься уходить, проваливай!

Он рыдал, и у него виднелся розовый клык в верхней челюсти. Он тоже был сыном Хироко, поэтому Джеки приходилась Хироко внучкой. Вот так оно и работало.

Джеки могла похвастаться длинными темными волосами и большими глазами. Кроме того, она бегала быстрее всех в Зиготе, за исключением Питера. Зато Ниргал никогда не уставал. Иногда он мчался по берегу озера и делал три или четыре круга подряд. Правда, на коротких дистанциях Джеки оказывалась быстрее. И она вечно смеялась. Стоило Ниргалу начать спорить с ней, как она отвечала: «Хорошо, дядюшка Нирги», — и раздражалась хохотом. Она была его племянницей, пусть и родившейся на сезон раньше. Но не сестрой.

Однажды дверь класса распахнулась настежь, и появился Койот, их временный школьный учитель. Койот путешествовал по миру и проводил в Зиготе мало времени. Всякий раз, как он появлялся, это становилось событием. Он прогуливался с ними вокруг деревни, находя им странные занятия, и каждый раз заставлял кого-нибудь громко читать вслух непонятные книги умерших философов. Бакунин, Ницше, Мао, Букчин — ясные мысли этих людей, словно случайные камушки, были разбросаны по длинному пляжу околицы. Истории, которые Койот сам читал им из «Одиссеи» или Библии, оказывались проще, хотя и тревожнее. Люди в них часто убивали друг друга, а Хи-

---

¹ Марсиане во втором поколении.

роко говорила, что так делать неправильно. Койот смеялся над Хироко, а когда читал им все эти ужасные истории, то выл без всякой видимой причины. Еще он любил задавать им сложные вопросы о том, что они слышали, спорил с ними как с взрослыми и постоянно вводил всех в замешательство: «Что бы вы сделали? Почему бы вы поступили так, а не иначе?» А еще он объяснял им, как работает замкнутый топливный цикл Рикове-ра¹, и заставлял проверять гидравлические поршни на волновом генераторе озера. После таких занятий их руки коченели и становились сизыми, а зубы начинали отбивать барабанную дробь.

— Вы, ребяташки, быстро простужаетесь, — приговаривал он. — Все, кроме Ниргала.

Ниргал легко переносил любой холод. Он интуитивно знал все стадии лютой стужи и не испытывал никаких физических неудобств при минусовой температуре. Многие в Зиготе мерзли и не понимали, что к холоду можно приспособиться: любые негативные последствия можно было преодолеть простым внутренним усилием воли! Ниргал так же хорошо умел справиться и с жарой.

В общем, холод не являлся помехой. Ниргал знал, что если упорно направлять тепло собственного тела вовне, тогда холод становится живой, бодрящей оболочкой и не вызывает дискомфорта. Таким образом, низкая температура могла попросту стимулировать кого угодно — да так, что захочется побегать!

— Эй, Ниргал, сколько сейчас градусов?

— Шестнадцать целых, двадцать семь сотых ниже нуля!

Смех Койота был страшен. Он гоготал, как хищная птица, и выл, подобно дикому зверю. В его хохоте объединялись все мыслимые звуки, и он всегда звучал по-разному.

— Давайте остановим генератор волн и посмотрим на озеро!

Вода там никогда не замерзала, в то время как ледяное покрытие внутренней части купола никогда не должно было таять. Это объясняло все погодные явления их мезокосма,² как утверждал Сакс, с туманами, неожиданными ветрами, дождями, дымками и редкими снегопадами. В тот день машины, отвечающей за погоду, почти не было слышно, и ветерок едва

---

¹ Американский адмирал, главный идеолог атомного подводного кораблестроения.

² Любая система больше, чем микрокосм, и меньше, чем макрокосм.

тревожил их укрытие под куполом. Когда генератор волн отключили, озеро тотчас успокоилось, превратившись в круглую плоскую тарелку. Поверхность воды стала столь же белой, как и купол, но сквозь него виднелось покрытое зелеными водорослями дно. Озеро казалось одновременно и белоснежным, и изумрудным. У противоположного берега в этой двуцветной воде идеально, как в зеркале, отражались перевернутые дюны и разлапистые сосны. Ниргал смотрел зачарованно, все ушло, осталось только пульсирующее дивное видение. Он видел два мира, целых два в одном пространстве — оба зримые, отдельные и разные, но — вот парадокс! — сжатые воедино! Лишь под определенным углом зрения становилось понятно, что их два. Он хотел нырнуть в этот мир, погрузиться в него, как погружаешься в холод, постичь его.

Что за цвета!

— Марс — Ниргалу, Марс — Ниргалу!

Они смеялись над ним. Как ему говорили, такое случалось с ним всякий раз — он терял сознание. Друзья любили его, он видел это в их лицах.

Койот отламывал кусочки плоского льда на мелководье и запускал их вприпрыжку через все озеро. Все дети присоединились к нему, а перевернутый мир дрожал и плясал в разбегающейся бело-зеленой ряби.

— Посмотрите! — кричал Койот. Между бросками он заводил бесконечную песню на своем спотыкающемся английском. — У вас, ребята, лучшая в мире судьба, большинство — просто жидкость во вселенском моторе, а вы присутствуете при рождении мира! Невероятно! Но это чистая удача, никакой вашей заслуги здесь нет, по крайней мере, пока вы не делаете что-нибудь стоящее! Вы могли бы родиться в особняке или за решеткой, или в трущобах Порт-оф-Спейн, но вы здесь, в Зиготе, тайном сердце Марса! Конечно, сейчас вы, словно кроты в норе, а над вами парят готовые сожрать вас стервятники, но придет день, когда вы будете расхаживать по Марсу, не стесненные границами! Запомните эти слова, это пророчество, дети мои! И, кстати, взгляните, как он хорош, наш маленький ледяной рай!

Он зашвырнул кусочек льда прямо в купол, и они заорали: «Ледяной рай! Ледяной рай!» — пока не ослабли от хохота.

А ночью, думая, что никто его не слышит, Койот сказал Хи-роко:

— Роко, ты должна взять детей наружу, показать им мир. Даже если там ничего нет, кроме туманного покрывала. Они же прямо, как кроты в норе, Бога ради...

И он ушел неведомо куда, продолжив путешествовать по свернувшемуся вокруг них миру.

Иногда в деревню, чтобы учить их, приходила Хироко. Для Ниргала это были лучшие дни. Она всегда брала детей на пляж, идти туда с ней было благословением. То был ее мир — зеленый внутри белого, — и она знала о нем все. Когда она приходила на пляж, изысканные жемчужные цвета песка и купола пульсировали двумя оттенками, словно пытаясь вырваться на свободу. Дети рассаживались на дюнах, глядя, как быстро проносятся и кричат прибрежные птицы, собираясь стаями вдоль отмели. Чайки кружили над головой, и Хироко задавала вопросы, ее черные глаза оживленно мерцали. Она жила у озера с группой близких друзей: Ивао, Риа, Джином, Евгенией — все в маленькой бамбуковой хижине посреди дюн. Много времени она проводила, навещая другие тайные заповедники вокруг Южного полюса, поэтому ей часто пересказывали последние деревенские новости. Она была стройной женщиной, высокой для иссея¹, а ее повадки и даже одеяние напоминали манеры береговых птиц. Конечно же, она была старой, невозможно древней, как и другие иссеи, но почему-то она выглядела моложе, чем Питер или Касэй. Казалось, что она немногим старше детей, хотя все в их мире было молодо по сравнению с ней и рвалось наружу яркими цветами.

— Взгляните на рисунок раковины: пестрая завитушка, сворачивающаяся до бесконечности. Вот истинная форма Вселенной. Существует постоянное давление, подталкивающее к определенным очертаниям, но материя имеет тенденцию развиваться во все более сложные конструкции. Такую гравитационную модель, святую силу возрождения, мы зовем *viriditas*², и это — движущая сила космоса. Жизнь, понимаете ли. Как песчаные блохи, моллюски и криль... хотя данный конкретный криль уже мертв и идет на корм песчаным блохам. Как и все мы. — Она взмахнула рукой, словно танцовщица. — Вселенная

¹ Иссеи — эмигранты в США из Японии. Здесь — переселенец с Земли.

² Буквально — жизнеспособность (*лат.*). Слово, обозначающее энергию, плодородие, развитие.

жива потому, что мы живы. Мы осознаем ее в той же степени, в какой осознаем себя. Мы возвышаемся над космосом и видим сеть его узоров, и они поражают нас своей красотой. Данное чувство — самое важное во Вселенной — ее кульминация, подобная едва распустившемуся утреннему цветку. Не забывайте мои слова про священное чувство! Наша задача в мире — взрастить его. Единственный способ сделать это — распространять жизнь повсюду. Помочь ей возникнуть там, где ее никогда не было раньше, как здесь, на Марсе.

Для нее это было высшим проявлением любви, и дети, даже если не вполне ее понимали, чувствовали всеобъемлющую любовь. Еще один толчок, еще чуть-чуть тепла в ледяной оболочке. Говоря, она прикасалась к ним, а они, слушая, выкапывали раковины.

— Донный моллюск! Антарктический моллюск... Стеклообразная губка, осторожно, можно порезаться.

Ниргал был счастлив просто потому, что мог смотреть на нее.

А однажды утром, когда они прекратили копать, чтобы немного отдохнуть, она взглянула на него в ответ, и он узнал выражение ее лица — точно такое же выражение появлялось на его лице, когда он видел ее. Значит, она тоже была счастлива смотреть на него! И это опьяняло.

Гуляя по пляжу, он держал ее за руку.

— До некоторых пределов это простая экосистема, — говорила Хироко, когда они опустились на колени, чтобы рассмотреть еще одну раковину моллюска. — Не так уж много видов, короткие пищевые цепочки. Но какая богатая. Какая красивая. — Она рукой попробовала воду озера. — Видишь дымку? Вода сегодня, должно быть, теплая.

К этому моменту они с Ниргалом остались одни, остальные дети забежали за дюны или носились туда-сюда по отмели. Ниргал склонился потрогать очередную набежавшую к их ногам волну, за ней осталось белое кружево пены.

— Чуть меньше, чем минус шестнадцать целых двадцать пять сотых.

— Ты так уверен?

— Я всегда могу сказать.

— Посмотри, — ответила она, — у меня есть жар?

Он потянулся и дотронулся до ее шеи.

— Нет, ты прохладная.

— Верно. У меня температура всегда на полградуса ниже нормы. Влад и Урсула никак не могут понять почему.

— Это потому что ты счастлива.

Хироко засмеялась от удовольствия и стала похожа на Джеки.

— Я люблю тебя, Ниргал.

Он почувствовал, как внутри стало теплей, как будто там поставили решетку радиатора. Теплей, по меньшей мере, на полградуса.

— А я люблю тебя.

И они тихо пошли дальше по пляжу, рука об руку, преследуя стайку куликов.

Когда Койот вернулся, Хироко сказала ему: «Ладно, давай выведем их наружу».

И на следующее утро, когда дети собрались, чтобы пойти в школу, Хироко, Койот и Питер провели их через запоры вниз, в длинный белый тоннель, соединявший купол и мир снаружи. Тоннель оканчивался небольшим ангаром с галереей на обрывистом утесе. Раньше они с Питером бегали в эту галерею смотреть из маленьких поляризованных окон на ледяной песок и розовое небо, пытаясь увидеть огромную стену сухого льда — шапку Южного полюса, днище мира, где они поселились, чтобы скрыться от тех, кто посадил бы их за решетку.

Именно поэтому они никогда не покидали галереи. Но в тот день они прошли сквозь шлюзы ангара, надели эластичные костюмы, закатав рукава и штанины, затем — тяжелые ботинки и плотные перчатки и, наконец, шлемы с выпуклым смотровым стеклом в передней части. С каждой секундой они волновались все больше, пока волнение не стало похоже на страх, особенно, когда Симад начала плакать и настаивать на том, чтобы остаться. Хироко успокоила ее прикосновением.

— Ну, все. Я буду там с тобой.

Дети молча жались друг к другу, пока взрослые вели их через внешний шлюз. Послышался шипящий звук, а потом открылась наружная дверь. Хватаясь за взрослых и натывая друг на друга, они осторожно вышли наружу.

Было так ярко — невозможно смотреть. Они очутились в крутящемся белом тумане. Запутанные ледяные узоры, сверкающие в потоках света, покрывали всю поверхность. Ниргал держал за руки Хироко и Койота, они подтолкнули его вперед и разжали ладони. Он пошатнулся под натиском белого сияния.